ДИК
Фут. 44

1

Э Й Ф Е Л Е Я I.

Этот воздух, дымящий рассветом долин,
Занесенных домами,
Потрясенный игрой беспечальных турбин
И густыми низами
Полированных и отвлеченных метро-
В нем играют не феи,
Не обезнадеживает в нем серебро
Щекота Лорелеи
И пробьет его не знамени крик,
Не рыданье ракеты,
Не передадут ему свой тик
Жеванные эстеты:
С ними давно покончен процесс
Его фонари помнят,
Не даром они ощетинивают свой лес
На ночной доппинг.
Не даром рос обелиск, где пила
Дистилированную кровь площадь
Белая пена-согласие их помела,
Как фонтаны полощат.
Но всегда и о чем бы ни захотеть,
В этих бережно-серых
Берегах-отразится живая сеть
На былого примерах.
По знаку отвеса, в века полет
Мировая антена
Ничего не спрося, все возьмет
Из любого безмена,
Собирая в себя, как в ороенный сот,
Мед веселья и стона
Эхоически примет, что ей принесет
С Торонта до Сайгона
Этот воздух, пронизанный в пенье и треск
Тайной старого Герца
Воздух, кого ни один не оцарапал крест,
Кровь планетного сердца,
Дай в последний раз втянуть тебя
Мыслью с этой бумаги,
Опаленные годы вдали клубя,
Сталью секундной шпаги.

Э Й Ф Е Л Е Я II.

Как Пушкин был верен М.Н.Раевской,

На пространстве пятнадцати лет,

И.А. Аксёнов
„Эйфелеи"
2 кн. стихов.
Пг 1918

ОИК

472823

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Как Дант между парой штанов и курток детских
В сундуке терял решетки своих терцет
О несущественной Портинари,
Чтоб она проводила в рай,
Так ты на планетном пожаре
Оду мне наиграй.
Ты будешь струнами странствия,
Ты стонешь огня смычком,
Ты станешь ароматом пространственным
Ты будишь сна вином.
И качаясь головой запрокинутой,
В зрительном пиру,
Не перестанет дрожать мой, не оттиснутый
Ни на ком поцелуй,
Разбивающийся на ритмы и строки,
Прорезающий меридианы верст,
Скручивающий времена и сроки,
Быстрее миганья звезд.

Э Й Ф Е Л Е Я III.

Ты знаешь мой любимый зов,
Ты знаешь как во мне
Гудит перекликанье сов
При лаковой луне

На поле пепельных небес
Браслет моей руки
И поцелуй за всех невест
И прямы тростники,

Но ты, я вижу, не со мной,
В твоих глазах песок,

Ты смотришь, как на белый зной
　　　На мой тупой носок,

За множеством зеленых верст
　　　И бледно синих миль
Ты слушаешь как резмя ржет
　　　Твой злой автомобиль

Твои улыбки не со мной,
　　　Твое пыланье-пыж
Летящий над земной корой
　　　Погаснуть на Париж;

Но если даже твой ответ
　　　Одно прости-прощай,
Смелей, заклинивая, свет
　　　Туши, но отвечай.

-Моя печаль, не плачь, не плачь,
　　　Машину не брани,
И я не обещал калач
　　　И ты им не мани:

Авто мой нов, моя печаль,
　　　Но слушай, разве тут
Душиста не морская даль-
　　　Акации цветут

И если лес тебе видать
　　　Сквозь сердца моего
Что им успеешь удержать?
　　　Да ровно ничего

Оно желаний вялых сеть
　　　И пьявками сосут,
Приятно ли тебе смотреть,
　　　На этакий сосуд?

Вот, надо этот переплет
　　　В железо превратить
И крашенный металомет
　　　Над гарью водрузить

Чтоб у героя на тулье
　　　Не траура перо,
А плещется на много лье
　　　Белей чем серебро

Прожектора прозрачный луч
　　　В неопалимом дне
Всецветен, ласков и колюч
　　　Тобою обо мне

И будет он гореть,гореть,
    Гореть,пока жива
Во мне твоя живая медь
    И есть во мне слова.

Э Й Ф Е Л Е Я IV.

Девственнейшая страна.
Хирургическая роскошь.
Умывается в облаках
Твоя железная легкость.
А подержанный антука
Раскосого полушарья
Сильно побился по швам
И видать каркас.
Если то только тень обелиска
Не фонарный ли ты эпизод?
Нет.
    -Но блестит,несется,хлещет
Невозвратным стремлением всегда к высоте
Крайний "всего земного шара"
Один непадучий фонтан.
Что ж,что ночью не вечно знамя,
Что созвездий дрожит почет:
Шаркая по небу правит
Прожекторного луча весло.
Кабачьи огни осыпятся,
Но бессонней,чем биржевой телеграф
Или тень того полководца
Увидишь,как поскребясь,
Петух выплюнет солнце
Счастье сквозь сон,в золотых бубенцах пробежит
Цветы зарежут набережную,
И пушечной сальвой тебя поздравят
Железные жалюзи.

Э Й Ф Е Л Е Я V.

Бьется львом,теплый мхом
    Вечер в морях асфальта.
Прутья грызет,тычется лбом
    Зеркала злая свалка-
Да не оставишь меня,зараженного пеплом дней
Посреди многообещающих но ни от чего не помогающих,
номинально окрашенных,каламитных пней.
Так,потому что пора,и Тот,Чья власть
Поставила горы,Кто повелел свет,положил магниту север
юг

Чьи Одного Сила, Слава, Престолы, Господства,
Тот лишь...
-Сверни хвост, индюк.
Боже мой. Дался им мой несчастный хвост, будто он хуже лицемерных к небу глаз или чем потрясаемая рука.
Господи, да не сам ли Ты возложил крест на ишачку и на ишака.
Видел Ты меня в бане, видел меня пьяным, видел меня во всех видах и даже
Не под смоковницей, а в гостиннице Эрмитаже.
Дай же мне петь как достоит, втягивая до отказа воздух, задыхаясь своей монограммой И-А и да прославится Твоя высота
Судорожным подпрыгиванием моего, их смущающего хвоста.
Долгий путь мне еще топтать до окончательного поворота,
Вот, один, без седока, вхожу в прошлые, городские ворота:
Некому и петь то тебя-сцепками отраженные, авто-сирены путь заметут
И неоконченная тема четверного рожка напророчит горчишники очередных простуд;
Но пока пульс твой бьется, прочно, как львом охраняется верея и придумывает не на розах тумпаковоцветный, спектро-пернатый ацтек
Теплый оклич пароли перекрестков: дисковые маяки аптек,
Все таки я иду и неслышны шаги мои, точно подбитые мхом-
Вечер зашился телефонными проводами и подкатывается под ноги мохнатым комком
И сердце прядает, точно песня перепела, как оно впрыгивало на тот двусмысленный /до сих пор не разобрался/ не то благословенный не то чрезвычайно проклятый час,
Им же небо стекало с вечернего вертеля,
Розовый фонарь задыхался, а лиловый чихнул и погас.
Помню, день тогда был большой резвости, в мыле, запален и рыж-
Да провалится нос и небо мое, если забуду тебя, Париж.
Если забуду ревербер́ы, ощетинившиеся темными лучами веток на трамо-проводных врагов,
Румпели переулков и тьму, вываливщуюся из каждого проема и трещины, тысячами взбесившихся утюгов,
Со дна асфальтовых морей, водорослями произрастающие Булонские ветки,
Признания, виражи и прочее, совершаемое с легкостью газетной заметки,
На площади толпу, наслоившуюся в совершенно небывалую луковицу,
С чрезмерно-пылкого корсажа полуночи, отскочившую, по дуге, самовозгорающуюся пуговицу
И Тебя, неоглядную, взмах твоего рукава по куполу кульминации, вышеупомянутого часа,
Жест, подчинивший Тебе вращение Медведицы и Волопаса
Выгоревшие предохранители зорь на гниль лесов облакачивающиеся
Да разве заменят они эти кессоны воздуха, гексаедры на трапеции ночи покачивающиеся.
Я сейчас опустил бинокль и вижу все золото на которое способно человечество,
Сколько абонементов, осенним кленом осыпающихся кинэ, этим

обеспечивается.

Сколько раз на платформе Твоей опускали в гадательную /почти написал молитвенную/ машину, непахнущими билон преславные и великолепные ....

Сколько их у нас полегло-полегло, высоко вынося евхаристические клади

Это ведь не вы эстетические постройки, сплерфин, которых развел *merulius lacrimans*, добродетели паразит

Истинно говорю, не вам войти сквозь оранжевый экравит

Да и пахнут не безмятежностью свеже вывернутых кишки и иные, священные брашна

Радуйся прибежище наше, высь наша, ласкание наше; радуйся столп и утверждение наше, самая высокая на всем Земном шаре, из крестового железа склепанная, радуйся публичная башня.

Да ведь это, собственно то говоря, еще не известно, кто сопутствует Христу при втором пришествии, а когда был приход первый.

Записано единогласно, что любимым обществом Его были портовые моряки, земские стражники и святые стервы

И из каждого креста крестовины Твоей, пригвожденной над асфальтовым морем призм

Освящается достояние Твое-благорастворенная жизнь.

Которая даже вне твоего луча, при вклинении одного, необходимо-достаточного условия, жизнь сугубая, о, воздушная мель,

Чтобы она антэной цвела, чтобы ее каждый волосной интервал разбить мог, как вот эту, глядь, -по небу на аэроплан раскупоренную шрапнель.

долина Олтуза.

О . Ф Е Л Е Я VI.

Кривые солнечных пятен, магнитных бурь и
солнечных дней-совпадают.
/А.Секки./

Если кругом завивается

Метель Круксовых волн

Если "под Дохлым Зайцем"

Отель-утверждение-столп

Охоты, а препровождение

Любимое рвать себе

Сердце и сеять весело

Этакое конфетти на столбе
Решетчатом-решение
Если приветствуете это вы
Почваливая месиво
для вольной головы:
Сделайте ваше одолжение-
/Скопапель псгуар/
Душа наша с умилением
Делает тротуар:
Проела метаморфозы
Консерва крыса-гурман,
На коже занозы
отосферных ран;
Чтоб летом было жарко
Чтоб полным горлом петь
Чтоб жизненная старка
Науськивала плеть
И что ни взмах-то зарево
Что ни жест-полоса
Флаг бело-сине-красный
Поднебесье ласкать.
Любуйтесь же сограждане
На вольности свои
И да будут дороги каждому
Интересы страны,
И мы у вас отпросимся:

Свободы трезвый тост,
Мы на небо возносимся
Через Кузнецкий мост.

6 апреля 1917 г.
Бырлад.

Э.Ф Е Л Е Я VII.

Зачем свой неупругий позвоночник
Я захотел перед Тобой склонить?
Уже залились:"отыскал источник"
Кому,как "футуристу" не чудить?

Но,если не избегну объясненья,
Не им его намереваюсь дать:
Мне тени,те-кому пустая тень я,
Кто спит и видит парную кровать.

Прими его:я уверяю,Ты не
Останешься к поэту холодна,
Где зеркалом из яшмы на пустыне
Подвешена промерзлая луна;

Отправлен свет последнего трамвая,
Кармин улыбки даже не солжет,
Дневная продается даром вайя,
Прокисли тени у тупых ворот

И окрыляется былого заметь,
Пуранами бурана запросить:
Кто это сердце не умел изранить?
Кого оно успело не простить?

Ты,Ты одна.Светопылящей щеткой,
Щетиной незекного серебра,
Порхающим листом своей трещетки,
Уклоном ветробойного ребра-

Все замела,слила.В Тебе изжитой
Из глубины взываю:усынновь,
Последнюю,что вижу не убитой,
К своим стихам постылую любовь.

Э Л Е Г И Я VIII.

Не в иглу, колдовать по канве,
Крест на крест налагая жесты,
Не оркестра в росной траве
Увядать, как слеза челесты,
Не в порхание мотылька,
Не в преблагословение лилий,
Не в застенчивость василька,
Не в лиловый плач глициний,
Не в ванилевый солнцецвет,
Раз в году одурительный кактус,
Не в огнекудрявость комет
И не в жизнеспасающий артос:
Если мне выбирать, Насон,
Предмет моей метаморфозы
Я не осокоплю твой сон
И мольбой-"обратиться в розы".
Нет. Только в тот ветровой апаш,
Что скользит не глядя спиралью,
Через шестисотметровый трельяж
Над его теневой скрижалью,
Чьи безчисленные письмена,
Повторяя кресты Андрея
Сетью закинуты на
Город, что не найти острее,
Как на тот, незадачливый борт
Ловли, в полночь, Генисарета...
И по прежнему этот жест простерт
Над злобой всякого поэта.
Значит в том числе и моей,
Чтобы ей перервать все препоны
И пучком неучитываемых огней
Ворваться в разлетающиеся ионы;
Далеко и прямым путем,
Вплоть до присканья Америк,
Петь с лучем и шуметь с дождем
Вольно ото всех истерик,
Да земной завивать наплыв
В голубые прорывы робы
Неба, навсегда перезабыв
Кучевые страстей сугробы.

Э Л Е Г И Я IX.

Ты была первой, кого я увидел.

Только Тебя я не разлюбил.

Кровью ли расклеивается мой пыл,
Магнитного океана житель?

Не о Ней шелестите ль,
Под ревом своим, перекошенные рикошеты сил,
Хрустально звездящие тыл,
Окопанный верками литер?

Все прозрачные или непромокаемые зонты вер
Ветру Твоему общелкнувший кливер,

Чтоб змеила, переплетя
Пустоши прозрачной воли моей, как
Несут кричащее дитя
В кокосовый гамак.

Э Л Е Г И Я Х.

Пусть я черпнул бортом и иду ко дну, оглушенный ураганной световой пальбой,
Пусть на каждом шагу я выдаю себя головой,
Пусть тупее меня только провозоспособный интелегентский состав, забитый в тупик, мумией мазанный без меловой пометы о срочности возврата
Вам сутенеры анархии и альфонсы пролетариата.
Пусть в моей местности одно слышно, хныканье, да как зубы на сторону съезжают, да как группируются, перекатываются, кооптируются взаимозаменимые, что два гроша
Мой честный и благородный "ум" и проституированная "дума".
Что ж, если коромыслом, слоистый, трубочный, из самого сердца дым
Вытянулся железоме ом, многокрестно перевитым?
Если на меду настоенные и давно отпресованные страсти
Взорвались вверх броском и притягивают на себя микрокосм, точно он нижний блок в полиспасте
Пока не вывернется из него, как выдергивают из непробудной земли, добросовестно укоренившуюся морковь

Э Л Е Г И Я XXIV.

Париж протянулся шлейфом
Расшитым светляками бирюзовой реки-
Твоим, красавица Эйфелева,
Отправляемым лаской невидимой руки.
И дни и ночи
Послушные скрипу Твоих пульсирующих скреп
/Времени жмут по прежнему и неизменно свиреп/
Пестрят его сжатыми человеческих многоточий.
А ветер
Чист и прозрачен, впору Твоему лучу,
Облаками играет в мячик
Или пляшет качучу,
Путая утро и вечер.
Ветер.
Когда же
Из самых
Ежедневных жертвенников аборигена
Вынесешь сургучную печать декрета о преодолении плена:
Тебе, любимая, к лицу летучий мак.
Очаруй, не скромничай, очаруй всех, заломив фригийский колпак
Пан красный флаг на весь свет.

Э Л Е Г И Я XXV.

Вертелось Колесо.
Топали и гудели ради праздника.
Весна хихикала пестро,
Рубинами загорался метро,
Волокли в участок безобразника.
И закат вылетал раскаленной полосой
Из под вальца прокатного.
Этой лаской раскрученных камер
Двойственностью аллегро сонатного
День звякнул и замер.
Тогда все, что плясало и грело,
Все что было умно, хитро или неумело,
Лопнуло, растворилось и брызнуло
В единственно-свободный угол-
В небесную призму,
На плафон сутулый
С золотыми гвоздиками созвездий-
Это Ты тогда засветилась одна за всех-
Милый светляк одна,
Прости наш невольный грех:
На миру и смерть красна.

Чувство,чище даже чем ненависть и славнейшее без сравне ния,чем самая хваленая любовь?

И оно,это самое,не вписывается в гранки общесиментального кода,

А понимать его начинают при первом /при втором забывают/ маге по стране тезиса:равенство,братство,свобода,

Или еще задумав топиться в швейцарской зелени самых шлифо ванных шартрез-озер,

Знает его проваливаясь в первый и последний раз в провинции Гамлет-позер

Или при наблюдении быстро уменьшающихся числом и возраста ющих в размере предметов земли,

Когда тряпками болтаются под рукой,скорость потерявшие рули;

,а вот,когда гладко шоссе,как стекло,под уклон,перекашивается в темноте грова

И бренчат на лету авто,оборвавшиеся тормоза,

А навстречу ему выносится неоспоримый билль,

Пропастью,которую не опровергнет всеми своими [illegible] самый блистательный автомобиль;

Ибо над ней не властны ни сот радиатора,ни зеркальный щит ни последнее слово [illegible],

Ни тревожно пробуждие пространство опережения и пропуска улиткины [illegible].

,а вот разве еще,когда судорога захлестывает горло и пересыхает наиболее соответствующий подымаемому баккара спичь,

Чем неопровержимо свидетельствует,что:вот,у семафора стоит и сигнализует он самый голубчик-прогрессивный паралич.

Или если кто подумает о суточном числе объятий

Или о том сколько на башне совершено распятий.

Распятий энергии связывающей и тайно образующей металла молекулы,

Херувимы звенящие системы неразрывной крепости,

Да мечем разжения филистимлян отвей полувекового посева

Вся в излучениях мировой грозы,красуется железная дева.

Нет мне иного палладиума,кроме Тебя-публичная,

Нет мне иного откровения,кроме чести Твоей открытости

Ты велела достаточным основанием своих четырех корней

Петь,петь,петь Тебя впредь и до устья дней.

Предал ли я Тебя?Разве не стрелкой буссоли

Очи мои устремляются к решетчатой Твоей консоли?

Или не помешан я для них на Тебе?Разве не Ты мой сумасшедший дом?

Скажи,разве не Твой фонарь служит мне отрезвляющим льдом.

Научи же меня круговому невмешательству Твоей платформы,

Научи меня железной легкости Твоей,туманами обтекаемой фермы

И пусть шелестит надо мной не трехцветного тканья непромокаемый флаг,а хрупчайшее морской звезды или малого берца

Мое рекордное,трижды за один сезон разбитое сердце.

Чувства мне,как видите,не занимать стать,да что мне его жалко что ли?

Вот оно плещется ящером перелетающим лес, поле
С пастухом и домашней птицей, порт и вечное ухмылянье морских зыбей-
Лизнул и полнеба съел, что те балладный змей.
Весело скажете? Помилуйте, благодетели, да разве и мне не хочется петь
Аккорд розовых на законном фоне азалий,
Счастие первого взгляда на предпоследнем вокзале
О перебоях и ожиданьице,
Видя в окно, что почтальон понур,
При отсутствующем лязге дверной жестянницы,
За портьерой крапо мор д амур?
О плачевном бедствии подобного рода лягушки
И как яствуют белые долгоносые утки в пруду,
Всякие редкости: например в декабре веснушки
Штампить всю потребительскую бурду?
Да ко мне долилась моя родина,
Что то слишком длинна,
Перекрывая пролет переводина
Скрипит: ни покрышки ни дна.
Мать. Тзои груди в ранах.
Тзарь, ты опять блудишь?
Слов мне скажи желанных.
О, мать, да ты хрипишь.
Ты лишь сама пред собой испуганная;
Дух злым гробам,
Ты, зсеми друзьями поруганная,
Отпустизшая зсем зрагам,
Будь мне по старому ласковой,
Искрами зертящиеся над пожарами тзоих турманов-голубей
Со всякого полета стаскивая,
Радостью окури, закрути, оцепи-убей.

Апрель 1917 г.
Тек[illegible]

Э [illegible] Т Е Л Е Я XI.

До чего ж людей доводит
Этот самый деспотизм.
/ С.П.Бобров/.

Ласково нас увлекает

В пене объявясь душе

Юных золотистых заед

Волнопевное туше.

Плеск и блеск и восхищенья

Окружают ломкий трон,
Как винтовые круженья
Белят ровный Ахерон.
Потому ль, что мотобота
Не знавали пляжи жар,
Оттого ль что я деспота
Жестом введен в Тенар,
Но обломок не весельный,
А веселья смертных дней
Правит праздник колыбельной
В бурунах базальтных пней
И ускоря равномерно
К роковой воронке плав,
Упоительно и скверно,
Жертва лучевых облав-
Счастие. Оно трепещет
Отступившим бытием
И далеко рукоплещет
Не донявшее нытьем
Да и катаньем. А строгой
Мачтою мечты пловца
Светоносной острогой
И эфирного гонца
Пристанью, не насмеется
Мой палладиум сквозной,
Шахта вышнего колодца

И учитель ледяной:
"Рано пташечка запела-
Так не потерять себя
До поддонного предела
Не доходят разлюбя.-"

19 июня 1918 г.
Ижевский Завод.

Э Л Е Г И Я XII

Как сейчас вижу себя на верхней платформе
С двумя истерическими,никуда негодными женщинами...
/Они,конечно,будут говорить,что это я был никуда не годен.
Но у меня имеются доказательства противного.Веские./
Сквозь рваное небесное трико
Барахтаясь,вываливалась луна.
Не умирал Парижа гул
Было сыро,было тепло
Была весна
И разбегалась,вдоль черных ул-
Иц чепцовыми,зелеными лентами.
Этим,надеюсь все сказано.
Прибавить нечего.

Э Л Е Г И Я XIII.

Сивая веселья
На своей площади
Невиданного новоселья
Приворот пощади.

Мы всем эфиритам раскололи бутылки,
Мы взорвали все корабли,
Мы всем чувствиям продавили затылки
И теперь вопим горю: "Пли".
Экспрь. Экспрь. Махинация
Сортового новья.
Вечная иллюминация
И дворец без жилья.
Не квартировать в чем построили,
Сквозь себя пролетим в пылу
Карфагены под ноги, Трои ли.
И гарь/Гарь/в тылу.
Так прославим Тебя, о, линия,
Вырожденная из грозы желез,
Вознесенных сердец идиллия
И Твой электроложенных объез.
Пусть и вязли, и встретим сталь мы:
Мостики-из за всех застав
Тебе наши пальмы,
Наш кенота .

Э [illegible].

Я не забуду этой высоты,
Жестокого железа треугольник,
Покрывших труб пространные панты,
И неизменно им ее поклонник.
И как же мне не прославлять ее
Над [illegible] ромна,
Когда проходит по копью копье,
А циферблата чуть белеет рана
И время в непрощающих путях
Неуклонямым дыханьем дует
На прялки трех присноблаженных прях?
И неопровержимо повествует
Вся эта даль еще святей о злом,
Какое мог когда нибудь представить,
Еще немей, чем ни одним веслом
Не вспененная мельничная заводь,
Где тайно тают белые цветы,
Над призрачной изнанкой розовых листье,
Где распускаются души бинты
И ни один не раздается выстрел.

Э . . Е Л Е Й XV.

Со мной веселое воспоминанье...
Воспоминанье ли. Пожалуй время
Играет старые, сухие шутки
Охрипшим выкриком гнилой кукушки
Не выносящей ни моих стихов,
Ни дикции моей, ни боржку глаз
Слушательниц. О, Время, Время, Время.
Не благодарная, беда-стихия;
Неблагодарная, как все признанья
Гиневшие с прикрытым удовольствием
И явно кислосладкою улыбкой.
Ты право: знаешь как тебя люблю,
Я виноват: давненько проболтался
Про свой огонь. Но ты теперь ошиблось
Ты ошибаешься: я порываю,
Я попираю наши отношенья,
Я покажу вимущего рака.
И если напишу я снова: "Ты",
Не вздумай и воображать поклон
Себе: одна, одна любима мной —
Железная и пламенная дева,
Дочурка Эйфеля, Парижа стержень
/здесь необходимо примечанье/
Зачем нам время, если есть причинность?
Гори, гортанным грохотом огромность
Раскрашенного изгарью гиганта;
Ороси скрипичным грифом в горизонте,
Горячим, искаляемым проклятьем,
Гримваром бренных драк и снежной бойни
Где замерло дыханье корзинкинских
блудков ароматом керосина
Святого. Прям горбатый, как стрела.
А не бунтуй... но было все напрасно
И дорого пришлось платить курбэ
За статуи и бронзу на столбе.
Тот вал не спал я плавно лавируя
За шустро загентазией тишиной.
Расправлялся пакетами каналов
Полей на стене дыбами наклеек
И проболая возящие деканс
Кликами белых букв извергал стекла.
Там, золотой по серому финал
Топтанья дня, интрада малой ночи,
Парод произрастанья фонарей
С эподом дискоблещущих каштанов,
С чеканной сихомитией решеток,
С агоном Лувра и часов Киклопа,
И климаксом светолетящих цифров:

Все это просит слов и словарей.
Как часто в этот час на неподвижной
И запертой пустыне позабытого
Пустого Сен-Луи я караулил
Тот вздох огня, неудержимо скорбе
Свист доерилчого: я сам был зайцем
И я не знал, каким святым молиться
По незнакомству с заячьей религией
И зная только иную капусту.
Глаза открылись. Сердце оборвись.
Да, ты подлень по каждому желанью
Ударишь по всему, что наслаждающимся
В шампанской углекислоте прищипилось
И пьяной пеной оснежает пальцы
В игре ночных камей и звезд суставных.

Ты-всех сердец пурпуровый прибой,
Из будущего нагнетенный ветер,
Волна всех четырех материков.
Так обвала ровно и свирепо
Вне шума, им слившегося составом
Все сливавшая, в счастье утонувших, [illegible]
Но процвели огнем, огнем холодным
И пламенным веков трояким заветом
Где холод неба, жар желаний жадных
А между них-безжалостный жемчуг:
Соцветье спектра и венец бурунный.
И если посмотрю на твой пилон,
Если поглажу пальцем напряженным
Борт литья твоего и бесполезно
Пойду платить тщедушным телескоп:
Все вольется в твой отбойной боль,
Все вспыхнет, хлопнется ракетой
Трусость, Тебе отбелится любовь
Моя. Она не малое количество
Не отвергай ее, Твое Величество.

Э Й Ф Е Л Е Й VII.

Тебя одну живописал Делоне
    Он не портретист царей-
В Твоем стегне, не в Троянском коне
    Ждал своих богатырей.

Хотя он не один, раньше, изобразил собор,
    Но, ангажировав харит,
Только Твой простор, Твой убор
    Взял-за ними стоит.

И конечно не безбожье сказалось в том
/Куда мне о том болтать/
Но каким же венком, каким листом,
Воскороновать их рать?

Только Ты, в лад богинь неземным шагам,
Упруга, земна, легка
Козанным зигзам, девы-линаги
Целуя в грудь, облака

И благодарить, и превозносить маневр
Всеслышащей Твоей головы
Повинен всей силой нерв, до разрыва плевр
Вассал деви-Совы.

Э Л Е Г И Я XVII.

О.Д. Форш.

Я таскался в жару по холерным торцам города
Который от крови полгода пьян
Завалился и дрыхнет, трубой, так что из за гранитного ворота
Его пророс бурьян.

И от этой непроходимой гнусности я вспомнил пророчества
Ну а если вправь над Сеной волкам завыть?
Доведет нас до этого, злостного оборончества
Неизлечивающийся мыт.

Ну, да что я? Разве над Сеной шпили/
Золотые обныряет стриж?
Разве там [illegible] куранты били?
Разве не защитишь Париж

Ты, всеозаряющая платформа,
Небесная их [illegible] земля,
Житница соловьиного корма
Любвей наших. О, конопля,

Где настаиваются миров наркозы
Чей бесстрастного гнева жест
Разлучит, вроде мертвой розы,
Осквернителей твоих мест.

Э Л Е Г И Я XVIII.

С.П. Боброву.

Я, собственно, не слагал песни
И не пробегал регистров
Бланк диатон, чернь хроматизма
И не моей рукой жужелились струны.
Это Ты на себе наиграла знак
Что Ты для себя глядишь вниз
Это Ты не увидав нас
Методически минируешь визг,
Дрожа от фарфоровой почки изолятора
И другой такой же
/Они Тебе ниже пояса,
А я у каблука/
Но все ли перемелется
И будет ли мука?
Продовольственный вопрос стоит очень остро
Вот что наделала любовь к остроте,
Но это теперь, а тогда Твои астры
Приготовляли гадания царские
И надежд пехота
Парадировала без присмотра
Только, вели мне кто, я бы на них не смотрел.
Тебе знать почему-
Я Твой менестрель
Жду
Твою слабую струну
Дринь-др[illegible].

Э Л Е Г И Я XIX.

Она
Ссылаешься на вечные побеги,
Цвет лепкозеленый, неподвижный прах,
Непроходимость альфы и омеги,
Уток неразделимой тройки прях?
Поэт
Нет. Угнела сговоренных лига,
Но о безпеременном затая
Вечерний пыл, разрозненного ига
Избавиться бессилен мата я.
Она
Удар ударом издавна исправлен.
Определишь, куда его ронять?
Поэт
Пожалуй, поднимая камень Сазлин,
На горизонты занеся печать?

Она
Кто залаял тугие горизонты?
Поэт
Земная! Прорываешься в зенит.
Она
Остановясь.
Поэт
Первоплавно.. закон ты.
Она
Рази./
Поэт
Вплозни..?
Она
Ты./

/Поэт, пользуясь цезурой ударяется головой о ея пилон, производит звук, по поводу которого, ходят древние остроты./

Оба
Стихом звенит.

О   Б Л Е Л Ы.

/поэтика/

I
Прорывающийся и Покой

I воде нести радужные пятна — взмылен пегий небесный конь
2 свертываться спиралью улитки — дать себя прорыть кроту.
3 неисчислимые мечи-засом сжиз-ки — Центробежной силе самосохраненье клит
4 поглощать доблесть небесного золота — расплавленным рвать горы гор
5 и пустота пресного покоя — самоцвет самоцветов, руда руд.
6 западный ветер заливает небеснук — душа-кудри его пурпура.

II.
Тоскующие Толчки

I Аорта расчленяется волосинками кабеля — улица дождь чужая лампа
2 короткое включение слова мет-талла — гадал тенью откипевшего сплава
3 взброженное-голубь земного центра — солнцем выстреленны все лучи
4 сжатие отбрасывает заводную ручку — залп вспышки-удар поршней

5 о,осень желтых сирен. о,безсветный гроб зеленел.
6 д-зззз,х-ххых ветрект листья внезапный фонарь заплакал дождем.

III.

Раскровенение Рождение

1 лиственной зари тигровая поступь отразом воззрившихся сладких рос
2 сноп жерла бессемеровой ретор-ты гибкость в бьющемся
3 писк отзвенящий органному реву теплом осаженных камелии расцвет
4 скальпируемся скорлупой сестин, /сонетов/ павлин считающий глазки хвоста
5 непроходимых стеной перекипающие горизонты снежат ветром лепестки слив
6 нетерпеливо канет яблоко отрав-ленное кровавой золотой фиалковой радугой.

IV.

Безнадежная Борьба

1 всякий пульс сбивает сердце нагнетающая его любовь поет
2 поднимающийся шар строит сту-пени пересчитывает свои калли водомет
3 поверженные тени заглушают дыханье слышен только шахмат стук
4 своеручно извлекаться из бо-лота дыра тяготения сохранять учет
5 на синь притягания паек натянуть железа строгий уток
6 населяя серебренный эфир меж-звездности тогда полетит снежный аист.

V.

[illegible] Голод

1 поэт горн стань огнеедом пустота попрана потухшим чу-гуном
2 подножье туч лава самогасителя облака завивают пудру высот
3 огнищи гаданье Додонского леса подлинно дерево станка зимы
4 сумерки свертывают снежную по-лость гора вздула раструб луны

5 рука снимает месяца бубут | кровь тучам свету смерть
6 ярчайший день скрипучего
снега | лика крылата слезы лед.

VI.

Молитвенный | Металл

1 стих меча вражьим мечем | песня колокола от железа
2 вековому зеркалу иных взгля-
-дов | светлый кречет чистого ветра
3 неувядаемые цветы собой
распускать | До Тебя Простительница выру-
-биться
4 слуху облика мирово станок | кованный горизонт подметая
светом
5 прорастать тучи, облетая орб | неподвижными ярусами беготни
сумасшедшей
6 встречными взлетами Твоими
Зачня | протянуть руку полярной звезде

Э Л Е Г И Я XXI.

Летите не тише кони
Цель длинозой четы,
Скоростью, какой нет в каноне,
Ниспадающей водяной струи
И пусть вам автомедон, как проклятый,
Распускает мысль по ветру:
Оседлав воздух взлетит ямы, повороты, переезды и пропасти
Мысль уцелеет одна:
"Встречного в порошок сотру."
А мое дело смеяться,
Спину согнув в капитонах-
Многих к тому обстоятельств
Выкопался дренаж.
Да и что мне иное прочее,
Какому еще огни пожру-
Давно по счетам уплочено,
Четкой стер всю игру.
По не потому прямо на выстрели
Царственно клубящемся и вилны
Еду. Не потому что пути немыслимей.
Нет. Не потому что грязны
Стали все патентованные краски,
Протух анилин,
Пафос в могилу уволок Херасков,

А Роллина-сплин:
Исполняю Твое приказание
День электрических зорь-
Тобой поднят венец состязаний,
Небесная корь.
И когда неизвестного цвета пенок
Я, собой, опили пассат,
Твой во мне, семицветно вербеной
Выгнется позерланий взгляд.

Э Л Е Г И Я XVII.

Аспидом мансарды, рустами их зданий,
Оплетаешь мглой пониже тоги
Дымчатый, вершитель моих насиданий
Многоок далекий.

Снят во счет лет двести; бурбонских историй
Знамена по ветру, летает там пудра,
Где и не прославлен одной из факторий
Руконог премудро.

А в месте почета, целками облиты
Смотрел как проносят эспантон и банник
Подбородком острым, вся линии свиты
Риторист посланник

Определив тесно в небо вихрь улета
Перенапрягая лук словесных радуг
Незаконоломно будного намета
Дипрозных укладок

Отрализал тайну перевоплощений
Отвергнуты нами буддийские басни
Но не отрицаем иных прощений:
Кто простит прекрасней.

Башни серебрякудром, взвись бывшей гнев слова:
"Завет, данный нами, всетаки чтите ль?"
Спрашивает строго с подзвездного крова
Кантемир-учитель.

Э л е г и я XXIII.

Плыл дым и тлели тихие афиши
Заглядывая в зеркала несущихся машин
Сверкавших елками нежных шин,
А лентам их краснели кисти
Из-за жестяных, суставчатых
Труб. Так ставили заключительную кадриль...
А вечер прыгнул, сусальный
И испуганный эквилибрист.
Бедный, верил в трапецию
И в душеспасительную сеть,
Несчастный.-ждал местную милицию,
Думая не навек висеть,
Нет, десять будет, дудки:
Сыгран и с круга снят,
Да чудим ли считать у меня в желудке-
Сейчас все честные люди спят.
Плыл дым и тлели тихие афиши,
Мигая в зеркала занавешенных машин
И хлюпала грусть все тише,
У саду, где цвел бензин.
А на крыльях распаленный вечер,
Связки в крике сгубив,
Изверился даже в Фоккер
Истязующий музыкальный мир.
Обесилися и плеваться стал
Куда ни на есть,
Раскачиваясь сумрака пластами
И растрачиваясь на пустую месть.
Ни я, ни мы не замечали
И, случаясь, не найдется там гражданин,
Усчитавший те печали
В быстрых, летучих звездах небесных равнин.
Лишь Ты, сама звезда и звезда земная
Людям из маяка, тьму
Назвала, нарубила все и престолем тысячегранным
Смерть предложила ему.
Взял. Был и спился: сумасшедшие лыжи
Зарылся в первый зареченный магазин:
Пал первый час и висли мертвые афиши
Вспыхивая в лучах машин.

Э Й Ф Е Л Е Я XXIV.

Париж протянулся шлейфом
Расшитым светляками бирюзовой реки-
Твоим, красавица Эйфелева,
Отправляемым лаской невидимой руки.
И дни и ночи
Послушные скрипу Твоих пульсирующих скреп
/Времени скат по прежнему и неизменно свиреп/
Пестрят его ~~знаками~~ [illegible] человеческих многоточий.
А ветер,
Чист и прозрачен, взору Твоему лучу,
Облаками играет в мячик
Или пляшет качучу,
Путая утро и вечер.
Ветер!
Когда же
Из сажи
Ежедневных жертвенников аборигена
Вынесешь сургучную печать декрета о преодолении плена?
Тебе, Любимая, к лицу летучий мак.
Очаруй, не скромничай, очаруй всех, заломив фригийский колпак
Наш красный флаг на весь свет.

Э Й Ф Е Л Е Я УХV.

Вертелось Колесо.
Топали и гудели ради праздника.
Весна хихикала пестро,
Рубинами загорался метро,
Волокли в участок безобразника.
И закат вылетал раскаленной полосой
Из-под вальца прокатного.
Мятой лаской распущенных камер
Двойственности аллегро сонатного
День звякнул и замер.
Тогда все, что плясало и грело,
Все что было умно, хитро или неумело,
Лопнуло, растворилось и брызнуло
В единственно-свободный угол-
В небесную призму,
На плафон сутулый,
С золотыми гвоздиками созвездий-
Это Ты тогда засветилась одна за всех-
Милый светляк одна,
Прости наш невольный грех:
На миру и смерть красна.

Э л е г и я XXVII.

Я не знал какая Ты страшная
Пока не стих у ног Твоих,
Все таки спрашивая,
Что может убивать мой стих.
Неисчислимый гнет опоры
Одной, а всю Тебя не охватить,
Давит злей, чем Андов горы,
Чем детонующий пикрит.
Так, отступая и слабея,
Под смех голубо-рдяных искр,
Не мог звериться Тебе я
И стук метро не казался мне быстр,
Пока огнистою игрою
Большой Фарфоровой трубы
Меридиан не видал рок
Гуляющих беглого. Из гурьбы
Волов и шляп, и мягких фетров,
Где то, у Porte d'Orlean
Что то рвало отвесным ветром
Парижский мартовский туман.
Туман сама, лучами стали
Из серо-аспидной коры
Твои движенья вырастали
Столбом толкучей мошкары
И вертелась вокруг Тебя столица,
Вернее Ты вертела ей,
А каждая улица была спицей
Строчащей Зингерки Твоей.
Так Ты со мной играла в швейку,
На расстоянии держа
И, полуостров, к перешейку
Любви я приникал дрожа.

Э л е г и я XXVIII.

Небо было серое
Сена-зеленая
Грустно или весело
Не к чему вспоминать.
Вечера и утра
Дни перепутаны
Торцы отполированы
И оковы каштанов звенели;
Фонтанов сантинели
Пенились и подковы
Печатали счастье
В Булонском лесу:

Это растенье многодольной семьи,
От пяти до семи.
Вечером и утром всегда обнаруживались кражи;
Башня то же была все та же.
Мил и светел был
Этот бег на месте,
Без машинных кобыл
В несчетном заезде.
Хлюпала вода.
Хлюпала вода.
И висьули повода.
Вот бал,
Кто не спал
Себя веселил
Брызгами чернил.
У-у! Как хлещет дождь, сквозь антенну в крышу!
Трещинь, милая, тебя слушу.

С [illegible]

Н.А.Гольшакову.

Неумолимо стройные капеллы
Органного Науденона,
Пестрят пляски молящихся,
Играют с числами в песне их
Амур
Анакреона.
Но выше и пламенней
Железный скелет с мускулами прессованного бетона,
Семидесятиэтажные факелы
Лонг-Айланда, Чикаго или Бостона
И снующие в колодцах машины,
В колодцах не знавших плесени,
Поднимающие крик львиный,
Сияющие поллярней львиный,
На площадях авеню и свежих предместий,
Когда тени ультрамариновы,
А гребни марин забрызганы апельсином,
Когда мечутся горластые афиши,
Когда всюду протискивается газет петит
И на всякую страсть пищу
Раскрывает пустынной пасть
Волчий аппетит;
Тогда слово зарезывает сутолоки массу,
Как со лба уходящий, безукоризненный пробор,
Тогда свалка слогов низлагает слух
И качается стих над невиданнейшей из флор:

Царственно всем налетающим, худой и чуткий бамбук.
Но, вроде взглядов с набережной Малоса
Провожавших архаический парус
Прищурено много узколучих штор,
Которых стихает шторм,
Есть и ревность на ребрами лаковых жалюзи
И не один крематорий впереди...
Так налей же, ночь, огней вина,
Чтоб его поцелуи были, как наши ритмы едки,
И нам, как треугольнику Эйфеля,
Всю тебя вплести в свои клетки.

Э Л Е Г И Я XXIX

Как над изголовьем больного
Перекрещиваясь стрекочат спицы,
Как птицы,
Вспугнутые ружьем со стоном
Несчетных крыльев
Взметываются, переломанным столбом,
Как быстрейшие фильмы
Пробивают время лбом,
Возвращая нам жесты покойников,
Так Ты, неутомимейшая и непреклоннейшая
Не перестаешь строить себя
Вязать миру внутренний план,
Роняя на Сенские берега
Пламени своего [illegible].
Мир тянул и стал осколком,
Ударился в миллиарды искр,
Пропастями ухает и звенит щелками,
Покоряя всякий регистр.
Но работа твоя недреманная:
Игла на иглу легла,
Пока мира обкормленного
~~Горошина~~ не прошла. жемчужинка
Только тогда узкий угол своего вязанья
Свернешь на клубок,
Воткнув последней спицей сверкающей
Красному шелку флагшток.

Э Л Е Г И Я XXX.

Час ночи. На потухший город Твой опять закружит чужая эскадрилья. Цветут световые датуры ночных, таких неизменных и всегда перехватывающих задох сражений.

И,как они по небу,по сердцу своему тянусь,через тьмы тем своих поражений.

Вся предо мной пролитая кровь,из под каждого дыма туч растравляется,в каждой неупраздненной и неупраздняемой заре

Каждое заколоченное из 10000 000 -в сердец,сердце стукает в каждом морзовом "точка-тире"

И каждый барьерный камень,в каждом шоссе,в разъедаемые теперь путом места

Каждый из них подмена березового бесконечеческого креста

Пыль,напряженная ветром,пыль,колонии бактерий,пыль слепящая,заставляющая чихать и отплевываться,благополучно загаживающих тротуар людей-

Пепел мне,в урне сажировой,прах дедов,отцов,женщин и детей,детей,без конца детей.

Умер я в них давно,как умирали они от меня на расстоянии четырех аршин,

Но смерть их чем она мне!Слабая седина виска и даже у бровей не видать морщин.

Но проклятье,проклятье,проклятье,расцветает стихом во мне.

И в железе каждого красного боего шарика скручивается, как береста на огне.

Все наши были-беглые;вся наша честь-позор;все наши в ветре шумевшие надежды,радуга движений и декоративность поз-

Взамен темное благоуханье,которое оставляет за собой ассенизационный обоз.

Вот поэтому на все это необходимо плюнуть да рваным сапогом растоптать

И огнем,огнем переплавить растленную победными перезвонами медь,

А по всей планете,всем и впредь будет к журчанию кровяной своей[illegible] глуха

Пустить Петрова знакомого-красненького петуха

И в рогатенькие минуты,веле я -спичка,для которой недостижим бензин,

Вожделеннейшей цистерны и горе мое от этого уже вашего би саида и аршин.

Вот тогда я зову тебя,из звонких полос нетленного бессмертья скелет

Твой силуэт мне светится,сквозь копоть,ошпаренных вонючими газами лет.

Ты,грозовое восстание,Ты по ега счисления гений,

Ты,созданная криком одного из вековых поражений.

Приди ко мне.Тихо,тихо /далеко и трудно,только все останется между нами/

Приди и на грудь мою наступи всеми своими четырмя ногами

Чтоб я ожил в Тебе,чтобы огнем стала моей боли зарница,

Чтоб я умер всему,что бы вот это,перестало пойманным зябликом биться.

И тогда только отпущу Тебя с миром,и в напутствие пожелаю всяческих благ,

Когда стану-сталь и загорись тем,чем держится за Тебя Твой непромокаемый ветер-флаг.
Да о чем это я?Ты сама это делаешь.Вот почему засвистала по мне такая боль.
Вот почему,в этом явном сне,я прохожу через термически абсолютный ноль,
Вот оно почему я себя чувствую чучелом барсука,без имени и без отчества-
Это,матушка,Твоя шахта-колодец моего одиночества.
Глубина зв сь,прославляемая во всех дымовых /нет дыма без и т.д./ путеводных столпах.
Ты самая переливчатая изо всех певучих китов черепах,
Всех надежд,криков,воль-собиратель,всякого призыва-мишень,
Родная,высившся Ты среди своих современников,как Сы-Кун-Ту-Бао-Шань
И хоть сердце давно и безнадежно порвал,прошлой манерой живу,но Тебе каждый толчек его посылаю-Ты,Ты,Ты
Одна,резонатор былого,и не приостанавливал-одна,зеркало пустоты
Ведь зима пришла,нарисуешь все окна недель,дней и часов /о,каких еще/ растирая в пакетах пороховую мякоть
Все окурок-покусом счастья,всех обид священные образа-
Этого не дано мне Тобой,и если бы даже я и умелк когда нибудь плакать
Теперь,друг за другом,из рогатки вы стрелил бы соблазняющие глаза.
Вот он Твой абрис,он увидя плакальщицей спокойных
Облаков безветренных зорь.
Я не признак аллегорий.
Не вижу на свою печаль,вы спрошенных светил чернобархатный бисер:
Твой многозвонный ,многоколокольный приход ветром все выстрогал,витер
И могу больше не видеть Тебя,до самого окошечка очереди,куда возвращают использованную карточку дней
И нет мне дела до тех,кто теперь не знал Тебя,кто не молится Тебе,кто не верит в Тебя-кто меня бедней.
Правильно.Я не хуже прежнего помню с кем и как "мы давно повенчаны"
Все это так,всеми цветными чернилами прорезивовал подсчет
И сальдо заверено-ухожу исключительно нейтером,
Не оглядываясь через плечо.

Питер ,октябрь 1918 г.

Отп N 19955 25/III-58